

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫЛЕТ

И опять наши «ястребки» оторвались от земли. Речка Истра... Речка Лама... А дальше пойдут рубежи, где состоялось мое первое боевое крещение, где трижды мы отбивали массированные налеты фашистской авиации на Москву...

— Командир, — докладывает ведомый, — справа по боргу «юнкерсы».

Я вижу эти пузатые машины, начиненные бомбами, но отвечаю ведомому: «В бой не ввязываться». Отвечаю так потому, что мы — разведчики, у нас другое задание. А бомбардировщиков встретят другие истребители. Обязательно встретят. Это им не первые дни...

— Есть не ввязываться!

Хороший у меня напарник. Сашей зовут, Васильевым. Невысокий, складный, русоволосый северянин с улыбчивым лицом и ямочками на щеках. Говорит он медленно и чуточку напевно, выпячивая полные, сочные губы. Ходит неторопливо, вразвалку, словно молодой медвежонок. Не знал бы его, ни за что не подумал, как скор он в небе, как проворен и ловок в бою.

С «юнкерсов» задудукали пушки. Огонь для острстки. Что ж, сделаем вид, что курица не птица и МИГ не истребитель...

— Пикируем!

Саша молчаливо следует за мной. Навстречу летит пестрая осенняя земля, изрезанная прямоугольниками полей, пятнами лесных массивов, стрелками дорог и змейками мутно-стальных речушек.

Берем курс на Колокольск. Противника пока не видно, и мы идем дальше, на запад. Со стороны железнодорожной станции Ш-ская издали виднеются длинная змея бурого эшелона, зеленая колонна автомашин, грязно-серая вереница мотопехоты. Нужно все посчитать и радировать в штаб, где ждут наших донесений. И мы опять не открываем огня, чтобы не влипнуть в драку.

Я передаю по радио сведения, которые сейчас дороже сбитых «мессов», и подворачиваю на аэродром, где раньше стоял наш полк, — надо проверить, густо ли в гнездовые воронов.

Небо хмурилось. С запада теснились, наплывая друг на друга, дождевые облака. Мы развернулись и зашли с под-

облачной стороны, откуда неприятель не ожидал налета советских разведчиков. Мы отлично знали здесь каждый бугорок и куст: десятки раз уходили отсюда на задания и возвращались скрытными подходами.

— Жечь будем? — спросил Васильев.

Нет, с первого захода бить по вражеским самолетам нельзя. Надо сначала посмотреть, сколько их там и как они стоят.

— Со второго, — отвечаю ведомому.

Зелеными метеорами выскочили наши МИГи на аэродром. «Мессершмитты» и «юнкерсы» стояли полукольцом на северо-восток; а наше полукольцо смотрело когда-то на юго-запад... Их было много, серо-желтых хищников, — двадцать девять «мессов» и эскадрилья Ю-88. На старт вырывалось звено истребителей.

Резко накренив МИГи, мы развернулись.

— Саша, бей по стартующим!

— Есть!

Это было совершенно необходимо, ибо, поднявшись в небо, «мессершмитты» могли сорвать наши планы.

С окраины аэродрома полетели в зенит суматошные шапки дыма. Спыхватились зенитчики, да поздновато. Впрочем, зениток мы не боимся: командир научил нас искусству противозенитного маневра, когда еще только началась война.

Сектор газа — до упора. МИГи стремительно идут в атаку. Вот уже Васильев посылает залп реактивных снарядов. В центре аэродрома раздается взрыв. Тотчас же в небо вскинулся костер. Лидер тройки немецких истребителей сожжен. Саша бьет из всех пулеметов по ведомым. Завалившись на крыло, задымил еще один Ме-109.

— Так их, Саша, друг! — крикнул я и с ходу выпустил по стоянке самолетов два эрса. «Огонь, Андрей, огонь!» — командовал я самому себе и все нажимал и нажимал на гашетки пулеметов. Позади меня уже клокотала багрово-красная река — горели вражеские самолеты, рвались патроны и снаряды.

Третий заход делать было рискованно.

— Домой! — предупредил я ведомого, и наши «ястребки» отвалили в сторону урочища Черканово.

Я уже был уверен, что мы без особых осложнений возвратимся домой, как услышал предупреждение Васильева:

— Командир, нас окружают!

Двенадцать «мессершмиттов», разбившись на пары, за-

полонили небо. Видно, с разоренного нами аэродрома предупредили группу патрулей и та перехватила нас.

У «мессов» уйма оружия: двадцать четыре пулемета и двенадцать пушек! А у нас осталось по горстке патронов и по два реактивных снаряда...

— Делать ложные контратаки и беречь патроны. Эрэсами бить наверняка, — передал я Васильеву по радио.

— Понял, командир. Иду в атаку. Прикрой.

Правильно говорят: лучший вид обороны — нападение. Как будто специально про нас сказано.

Гитлеровцы боялись наших реактивных снарядов, всегда шарахались от них веером — в разные стороны. Так случилось и сейчас. Саша пошел в лоб на ближайшую пару истребителей. Нервы вражеских летчиков не выдержали. Один отвернул влево, другой вправо.

Сзади на моего напарника кинулись два других «месса».

— Нырять! — успел я предупредить его и короткой очередью хлестнул по левому стервятнику. Дымя, тот отвалил в сторону.

Васильев великолепно владел искусством маневрирования. Он как бы притормозил самолет, нырнул вниз, мгновенно переложил машину на спину. В момент, когда немец проскользнул над ним, выпустив два огненных жгута в «белый свет», Саша сделал полубочку и оказался в хвосте у гитлеровца.

— Бей эрэсом! — крикнул я, но Васильев и без того сработал отлично — из-под крыла МИГа уже вырвался огненный смерч, и «мессершмитт», брызнув разлетевшимся на куски хвостовым оперением, стал беспорядочно падать вниз.

Десять гитлеровцев сжимали кольцо. Они заходили с разных сторон одновременно и кинжальным огнем стремились распороть наши машины. Но у нас еще было чем отбиваться, и мы упорно тянули домой.

Вот и Черканово. Здесь, на «пяточке», мы стояли в засаде, перехватывали «юнкерсов», пытавшихся проскочить через истребительный заслон. Сейчас на «пяточке», вероятно, враг, поэтому мы обошли его стороной.

— Держись, командир! — услышал я голос Васильева и тут же заметил, как по левому крылу МИГа поползли рябины пробоин.

Я подставил атакующим «мессам» лоб машины, и они отпрянули от меня, страхась реактивного снаряда.

— Командир, прикрой!

Васильев отгонял бросившуюся на него справа пару крылатых хищников. Сверху на его самолет пикировали еще два истребителя. Если не послать наперерез им последний реактивный снаряд, они убьют моего друга. Нажимаю на кнопку электросбрасывателя, и взорвавшийся снаряд скрывает от меня нападающих.

Мы крутились как белки в колесе. Теперь у нас оставались только патроны, но немцы не знали этого и на виражах продолжали шарахаться от нас. Однако дальше Черканова мы не могли прорваться. Вверх! Вниз! Не пускают враги за урочище.

— Тараним стену «мессов»!

— Понял,— кратко отозвался напарник.

Мы сошлись крыло в крыло и «змейкой», маневрируя влево и вправо, ринулись навстречу огню. Иного выхода у нас не было.

— Нам не прорваться,— обронил Саша.

— Мы должны это сделать.

— Тогда иди один, командир, а я отвлеку огонь на себя.

— Я не дойду, Саша. Разбито левое крыло. Самолет все время кренит.

— Тогда становись ведомым,— предложил Васильев.— Видишь, они усиливают натиск, стреляют залпами. Становись справа от меня.

— «Ястребок» не слушается. Наверно, перебиты руль поворота и левый элерон. Ты слышишь, Саша?

— Да, командир.

— Сейчас они ударят в последний раз. Мы включим дымовые приборы. Под завесой дыма я выпрыгну с парашютом, а ты низом, над самыми деревьями иди домой.

— Я не могу тебя оставить, командир...

— Младший лейтенант Васильев! Фашисты открыли огонь. Приказываю: включай дымовой прибор!

— Андрей...

— Переходи в «беспорядочное» падение!

— Андрей! Друг...

— Уходи домой и передай в штаб все, что видел. Уходи, я покидаю самолет...

Васильевский самолет, окутанный дымом, падал вниз. Дымила и моя машина. Теперь на ней не действовал ни один руль. Я вывалился из кабины, и, не раскрывая парашюта, начал падать в бездну. Израненный МИГ продолжал лететь. На него набросились «мессершмитты». Прощай, боевой друг. Сейчас тебя добьют гитлеровцы. Перестанет

биться твое стальное сердце... Зато Саша уйдет от погони.

Резкий рывок красного кольца. Меня подбросило вверх. Значит, парашют сработал. Ветер тянет к востоку. Там свои. А если враги? Достāju пистолет и загоняю патрон в ствол.

Пятьдесят. Тридцать. Десять метров. Рядом острые пики черкано́вских елей. Только бы не напоротся на них. Подтягивая стропы, лавирую, целюсь в межкромье. Больно ударили корявые лапы по ногам и ребрам. Купол парашюта завис. Я освободился от лямок крепления и спрыгнул на хвойную подушку лесного наста.

— Руки вверх! — раздался властный голос.

Я кинулся к стволу дерева и выстрелил в сторону окрика.

— Руки вверх! Не смей стрелять! — оглушил меня приказ.

Из-за ствола показались вороненные глаза автоматов.

— Свои, дур-рак...

Навстречу мне шагнул бородач, держа в левой руке пробитую фуражку. Он был в легком ватнике и яловых сапогах. Перестав браниться, остановился.

— Неужели ты, Андрей?! — кинулся ко мне лесной великан. — Ну и ну!.. Чуть не угрохал крестного, чертяка.

— Семен Игнатьевич, вы?

Это был секретарь Колокольского райкома партии Земнов. В конце августа он вытащил меня, изрешеченного пулями, из горящего самолета и привез на своем Орлике в госпиталь.

— Везуч ты, везуч, лейтенант! — Семен Игнатьевич облапил меня и крикнул, обернувшись через плечо: — Хлопцы, в лагерь!

Земнов спросил, не ранен ли я, смогу ли сам дойти до штаба отряда.

— Все в порядке, Семен Игнатьевич. Помогите-ка снять парашют.

Высвободив стропы, мы свернули спасательный аппарат и двинулись в глубь леса.

— Думал, убитый летчик падает, а как увидел, что парашют раскрылся, смекнул: хитрит парень, затяжной прыжок применил, — гудел Земнов басом. — А напарник твой оторвался от гитлерюг. Отчаянный парняга! Кто это?

— Саша Васильев.

— Знаю, как же. Молодец!

Секретарь нередко бывал в полку и знал почти всех наших летчиков.

Пока шли в партизанский лагерь, нас не раз окликали, останавливали, требовали пароль. Мы с трудом перебирались через огромные завалы, глубокие рвы, кружили потайными тропами. Наконец добрались до скрытого в лесной глухомани земляночного городка.

— Там женщины с ребятишками, — показал Семен Игнатьевич на добротную просторную землянку, — тут — склады, а здесь — бойцы.

Партизанское хозяйство было прочным, неприступным. Система потайных ходов связывала весь лагерь. Вокруг него притаились расчеты пулеметных и минометных точек, готовых в любую минуту открыть огонь по непрошеным гостям.

Любопытных не встретили: каждый житель партизанского городка, видимо, был занят своим делом. Дисциплина у Земнова была прямо-таки военная.

В просторной штабной землянке, которая одновременно служила и райкомом партии, командир предложил мне раздеться, распорядился, чтобы принесли обед, послал связного позвать каких-то людей. Потом он спросил, с каким заданием мы прилетали, что удалось выяснить. Я рассказал.

— У нас есть кое-что добавить к вашим разведанным, — секретарь кивнул в сторону райкомовского сейфа. — А пока подкрепись нашим хлебом-солью.

...Вечером Земнов созвал совещание. Партизаны обсудили вопрос о предстоящем налете на вражеский аэродром за сады, находившийся километрах в пятнадцати от лагеря. Сначала решили провести разведку, а потом наметить конкретный план боевой операции.

А ночью Семен Игнатьевич, незнакомый мне человек по имени Константин и я отправились на вылазку. Шли долго и осторожно. Часто останавливались, прислушивались к шорохам. Осенний лес не был мне страшен даже ночью, потому что рядом шли друзья.

Часа через два Земнов остановил нас.

— Начинается Родниковая балка. Аэродром почти рядом. Ты, Андрей, занимайся самолетами, я беру на себя штаб, а ты, Костя, — сказал он третьему разведчику, — отвечаешь за связь и охрану «пяточка». Сбор здесь.

Мы разошлись в разные стороны.

На небольшом лесном аэродроме стояло всего лишь четыре самолета. Это были «мессершмитты». А что, если на одном из них вырваться в небо? Эта дерзкая мысль не давала мне покоя до тех пор, пока я не высказал ее Земнову.

— К тому и дело веду,— открыл свой секрет Семен Игнатьевич.— Штаба там нет, охрана так себе. В общем, завтра ночью сделаем налет. Долешишь впопыхах на «мессе»?

— Самолет изучали...

— Ну, вот и добро. Охрану снимем без шума, остальным кляпы в рот, и в лес. Когда улетишь, петуха подпустим. Бензину у них много.

Налет прошел по плану...

Когда я был уже в кабине самолета, Земнов перегнулся через борт, передал пакет для командования и крикнул:

— Газуй, Андрей! Привет Большой земле. До скорой встречи!